

Юра Левик et al.  
выпускники кафедры Полуфизики Полуживых Подсистем (ППП) МФТИ

Произведение Полувека

## ПЛОДЫ ПРОГРЕССА

*(Приключенческая повесть)*

© L&A

Посреди пустыни произрастала пальма. Под пальмой племя папуасов, пораженное проказой, попивало портвейн. Пальма плодоносила плохо, папуасы прозябали – питались падалью, пожирали попугаев, протухших пятнистых питонов. Полиомиелит, паранойя, псориаз, понос, паркинсонизм процветали.

Пытаясь предотвратить гибель папуасов, Подкомитет помощи первобытным племенам прислал полпреда Попова. Попов, подобно Прометею, принес папуасам плоды прогресса: полупроводники, пылесос, презервативы. Получку Попов получал по пятницам, покупал пиво, пирожки, повидло – подкармливал проститутку, пробуя поддержать популяцию папуасов. План позорно провалился – подлые путаны применяли противозачаточные пилюли. Племя подыхало.

Пронырливые португальцы продавали портвейн по пятьдесят песо, получая пятьсот процентов прибыли. Папуасы пропивали последние плавки. Преуспевающему плантатору Педро Перейре пустыня приглянулась. «Полью почву, посажу помидоры, пшеницу, перец» – планировал плантатор. Под пасху Педро пригласил Попова пообедать.

«Прогоним папуасов» -- предлагал Перейра, подливая Попову пунш, подкладывая печеночный паштет – «Поделюсь прибылью. Пошли подальше поручение Подкомитета – получишь парагвайское подданство, поместье, пеонов, пост посла!»

«Пшел прочь, паскуда!» – пробормотал Попов, поедая поросенка. «Подумай, подарю полотно Пикассо, платиновую пепельницу, Пиночету представлю» – пообещал плантатор.

«Пустыня принадлежит папуасам, понял, подлый пособник палача Пиночета!» – прокричал Попов. Перейра плюнул: «Пардией! Погоди, патриот – посчитаемся! Попомнишь плантатора Педро Перейру!»

Проклиная Попова, Перейра повернулся, пошел подготавливать переворот. Попов побежал помогать папуасам победить пережитки палеолита. Пели птицы. Пастухи пасли поросят. Пустыня представлялась прекрасной...

Попов преподавал папуасам письмо, политграмоту, почвоведение, педиатрию, привозил пирамидон, пеленки, погремушки; прочитывал племени «Пионерскую правду», «Перспективы». Папуасы придумали песню:

Петух побудку прокричал,  
Провозглашен приказ  
Перейра, прячься, паразит!

## Проснулся папуас.

Проводились политзанятия. Проститутки перевоспитывались. Попов приобрел проектор, подумывал про патефон. Появился пятилетний план преобразования пустыни. План претворяла Партия папуасского прогресса – папуасы подсыпали пальме перегноем, подкармливали перманганатом, поливали птичьим пометом. Попов прибил под пальмой плакат: «Получим пятьсот пудов полноценных плодов!»

Потребление портвейна падало, папуасы перестали покупать презервативы. Подсчитав прибыль, Перейра прослезился – паршивых пять песо. «Придется пригласить пару проворных парней» – подумал плантатор.

Презренный прощелыга Пит похитил паспорт Попова, проткнул пылесос, подговорил папуасов пропить проектор. Политический проходимец Пат полил птичьим пометом подшивку «Правды»; полиция перлюстрировала почту Попова.

Приехал популярный парижский певец-педераст Поль Плезир, прославившийся похабной песенкой «Поцелуйте Полю попку», попутно привез порнографию. Пожилые папуасы просматривали «Плейбой», пропускали политзанятия. Появился притон «Приходи переночевать», политическая платформа Попова пошатнулась.

«Пора поливать пальму!» – призывал Попов. «Пусть подышает, перебьемся!» – смеивались папуасы, перелистывая «Пентхаус».

Прогрессивные папуасы подписали петицию, потребовав прекратить провокации. Попов понес петицию Перейре. Подле поместья Перейры Попов повстречал племянницу плантатора, пылкую пятнадцатилетнюю Паолу. Прелестная племянница Перейры понравилась Попову. Почувствовав пробуждение первобытной похоти, позабыв про петицию, Попов привлек Паолу, поцеловал, полез под подол, потащил под пальму, повалил, порвал полупрозрачное платье. Прочь полетели пуговицы, потная пятерня Попова приглушила писк: «Пусти!»...

Потом пришло похмелье. Плачущая Паола пожаловалась Перейре. Перейра позвонил прокурору. Прибыли полицейские, побили Попова палками, потравили псами.

Продажная пресса писала: «Покровитель папуасов – половой преступник! Позор Попову! Похотливый Попов пойман полицией!». «Правда» промолчала. Процесс привлек представителей печати, партер переполнен. Получившие право присутствия посмеиваются, предвкушая пикантные подробности. Простаки, прозевавшие продажу пропусков, пооблепили перила, подоконники. Плечистые полицейские прогоняют папуасов, проституток, приветствуют Перейру: «Проходите, пожалуйста!»

Пробило полпервого. Пора. «Приведите подсудимого!» – приказал прокурор. Пятеро полицейских приволокли побитого Попова, получившего пневмонию – плод пребывания по промозглым подвалам.

«Показания пострадавшей Паолы Перейра! Прошу, Паола». Присутствующие притихли.

«Прошу правосудия» – плакала Паола, проглатывая половину предложений, -- «Попов поймал, предложил прилечь... плакала, просила пустить... Попов поломал палец, прокусил подбородок... потом под пальмой повалил...»

«Подсудимый Попов!»

«Политическая провокация правых, Паола первая подмигнула...» – пытался протестовать Попов. «Признавайся, падла!» – прервал прокурор Песадес.

«Психоаналитик Петерсон, пожалуйста!»

«Причина преступления Попова понятна. Психика подсудимого перегружена, поражены пирамидные пути, половые проблемы постоянно причиняют пытки подсознанию. Полушария почти полностью парализованы параноидальными политическими планами. Промискуитет папуасов проституировал первоначально патологичную психику подозреваемого. Подтверждаю под присягой: Попов – психопат, прирожденный преступник!»

«Полицейский Перес!»

«Подтверждаю под присягой, пресловутый Попов порывался подать подлую петицию, предательски пнул полицейского пса, проклинал почетного плантатора Перейру, пообещал перепортить полсотни пятнадцатилеток».

Прокашлявшись, прокурор Песадес пояснил политическую подоплеку преступления; процесс падения подсудимого, потребовал: «Повесить Попова! Пусть приговор послужит предупреждением подобным подлецам!»

«Повесить! Повесить!» – подхватила публика.

Поднялся почтенный Пульман: «Подзащитный Попов прекрасный парень, происшедшее под пальмой просто прискорбная путаница. Преступление! Повесить! Прокурор Песадес пожелал повесить подзащитного! Позвольте представить – пуританин Песадес! Прекрасно! Пусть повесит педераста Поля Плезира, прикроет притоны, пресечет проституцию!»

«Помолчи, плешивый Плевако!» – прошипел прокурор.

Пульман продолжал: «Полиция пренебрегла процессуальными правилами. Признания подследственного пытались получить под пыткой. Попову прижигали пах пылающей паклей, поливали патокой, потом пускали пчел. Показания Паолы Перейры путаны; Перес – пьянь, полицейский провокатор; психоаналитик Петерсон – пустобрех; прокурор – приятель плантатора. Повесить пламенного патриота Попова? Пусть Песадес представит прецеденты!»

Публика протестовала: «Позор полициям! Псы! Палачи! Прокурор подкуплен!»

«Поворошите память, -- призывал присяжных Пульман, -- припомните прошлое: полночь, прелестная подружка, первый поцелуй... постарайтесь понять подзащитного! Прокурор Песадес пытался представить Паолу подростком, плел про пубертатный период. Паоле пятнадцать. Подумаешь! Паола половозрелая пташка, первая пожелавшая Попова. Простой парень полюбил преданно, пламенно, пылко. Пусть Паола простит Попова, падре Петрицио поскорей повенчает парочку! Прошу присяжных помиловать Попова!»

Присутствующие повскакивали: «Помиловать! Повесить! Простить Попова! Повесить Перейру! Пульман продан!» Представители прессы передрались. Польскому писателю Пшежинскому поломали протез, панамскому памфлетисту Палтусу повредили печень, палестинец Пей-Паша пристрелил портье, провалившийся потолок придавил принстонского профессора Портера. Прокурору примочили протухшим помидором, присяжные попрятались. Председатель потребовал прекратить потасовку, покинуть помещение, пообещав продолжить процесс после починки потолка. Публика повиновалась, предполагая пограбить подвалы полные портвейна. Поселок Порто-Побре преобразился. Повсюду перебесившиеся потребители пожирали похищенные продукты. Правые пооткапывали пулеметы, преследовали подозрительных. Прогрессисты поджигали пивные. Протестанты повесили пяток папистов. Паписты поджарили протестантского проповедника Пфайфера. Противники полового прогресса покидали педерастов под поезд Пномпень-Претория. Помахивая прокламациями, пробежали подпольщики, посвистывали пули. Папуасы, подхватив пики, перекололи полсотни плантаторов, полиция порубала папуасов палашами. Поднялись пролетарии – подорвали пакгаузы Перейры пироксилиновым порохом. «Пей портвейн! Подгребай пшеницу! Подставляй посуду – пиво! Погляди, полно пушнины! Пиастры! Пиастры!» Про Попова позабыли, поселок полыхал, пахло паленым, пьяные пожарные по пути потеряли помпу.

Первый пехотный полк провозгласил полковника Проксимуса президентом. Путчисты попросили помощи. Пентагон прислал парашютистов...

Питер Пелл приземлился, погасил парашют, пришиб прикладом потенциального противника, пополз по песку, пристреливая попадавших папуасов. Пелл помнил «Памятку по предотвращению проказы»: «Папуасы поражены паразитами – пристреливая папуаса, помогаешь предотвратить проказу».

Полковник приказал: «Подняться! По противнику пли!» Питер побежал, поправляя подсумок, подавил пару пулеметов, подорвал противотанковую пушку. Противник пытается помешать продвижению – Пелл поднял пистолет, прицелился... Паф! Паф! Па-па-па-паф! Пятнадцать покойников!...

Потом продвижение приостановилось. Плохо помогла прекрасная подготовка переброски. Похоже, перст провидения пометил полк печатью проклятия. Полковника проглотил питон, поручика переехала пушка; последнего прихвостня правительства Пилсудского, пана Пшеклентого поймала пантера, потащила подкормить потомство; приборившийся противник пристрелялся – пуля пробила пучеглазому подхорунжию Паскутти перикард, пал петлюровец, подьесаул Петрофф, прямое попадание прервало преступный путь палача полесских партизан, полиция Потапчука.

Парашютисты падали, проклиная плохое пентагоновское планирование: «Предали! Продали! Погнали под пулеметы! Пацифисты патроны подмочили!»

Питер Пелл принял подразделение, пошел первым, подняв полосатое полотнище, подбадривая приятелей: «Пошевеливайтесь, птеродактили! Подъем, придурки! Продвигаться перебежками! Поживее! Подтянут подкрепление – пропадем!»

После получасовой перестрелки противник побежал, побросав пушки, пулеметы, патроны, провиант. Пленных Пелл приказал переколоть. Протянули проволоку, поставили посты, повесили плакаты: «Предъяви пропуск!». Пустыню прочесали, папуасов поголовно перебили.

Прибежали потаскухи – поставив палатки, подстелив парашюты, парашютисты предавались прелюбодеянию, платя по полтора песо. «Получите пситтакоз!» – предупредил Пелл, пошел починить передатчик, порадовать Пентагон полной победой. Пелл поменял перегоревший предохранитель, припаял провод, пощелкал переключателем. Прогревшись, приемник прохрипел: «Подгорный принял португальского посла... Пензенские полеводы продолжают посевную... Партия Петросян – Портиш прервана при преимуществе Петросяна... Передаем прогноз погоды...» Пелл переключил поддиапазон:

«... попытка переворота, предпринятая первым пехотным полком Порто-Побре при поддержке Пентагона, провалилась. Представители политических партий подтвердили приверженность прежнему правительству. Папа Павел призвал прекратить побоище. Палата представителей проголосовала против поддержки путча Проксимуса. Полковник Проксимус, переодетый пастушкой, пытался покинуть Порто-Побре, пойман, повешен патриотами. Прежний президент, Плинтус приказал подорвать предприятия Пола Полюера, производителя пестицидов. Позиции парашютистов покроет поток перекиси, перхлората, пропанола, пиретрума!»

Поднялась паника: «Poison! Pollution!...» Половина полка перестрелялась. «Проверить плавсредства! Подрубить пальму! Построить плот!» – прокричал Пелл. Поздно. Пенный поток, подобно полноводной Паране, приближался. Пестицидная пелена поглотила пальму, прижимая пальцами прожженные перекисью противогазы, парашютисты пробовали переплыть пропаноловую пучину, погружались под пиретрумный порошок, пускали пузыри... повторился предисторический потоп: полностью потонул Пятьдесят первый парашютный полк, потонули пантеры, попугаи, павлины, пауки. По причуде провидения, погубив праведников, потоп пощадил порочного Питера – поток пентахлорфенола прибил парашютиста под пригорком подле Порто-Побре. Пелла пленили подоспевшие полицейские патрули...

Получив прощальный пинок пониже пояса, Пелл плюхнулся посреди подвала: «Позвольте представиться, Питер Пелл – политический преступник, пристреливший полтора пята пугал. Перспектива – показательный процесс, потом повешение».

«Приятно познакомиться! Попов. Приласкал пятнадцатилетнюю. Перспектива подобная» – простонал простужено Попов, прикорнувший под продранный простыней.

«Помещение подвальное, параша, постель, пахнет псиной. Питание плохое?»

«Плохое» – подтвердил Попов.

«Пытают?»

«Пытают. Почки поотбивали» – пожаловался Попов.

«Приложи – поможет» -- Пелл протянул пятицентовик, похлопал по плечу: «Прибодришься, парень, приятно покачаться под перекладной, потешить публику!»

Питер прочитал произведения прежних постояльцев, покрывавшие потолок: «Папа, продай поросят, посули прокурору пятьдесят песо – пусть помирует!» – посмеялся, приписал: «Поросята потонули – пропадай, паскуда!», потом принялся покрывать потолок порнографией. Попов подавал полезные предложения. После пятой пикантной позы,

предложенной Поповым, Пелл присвистнул: «Плохой парень! Пошляк!» – протянул покрытую парафенилом пятерню: «Подружимся, Попофф!»

Потом Пелл позвал полицейского: «Помыться! Полотенце! Постель! Правила приема пленный помнишь? Пентагон припомнит! Почему потолок похабщиной покрыт? Побелить! Политическим повышенный паек положен! Пожрать принеси! Пива! Правое плечооо.... Прочь полицейская падла! Пасть порву!» Полицейский пулей понесся покупать пиво. Пелл присел, предложил Попову «Правила поведения пленного парашютиста» – «Почитай, пригодится при пытках». Попов поделился припрятанной «Примой».

Понурый подвал преобразился. После пыток Попов перевязывал Пелла, потом приятели пели песни: «Полюшко-поле», «Постой паровоз!», «Прощай Пенсильвания», «Потаскушка Пегги». Пелл поведал Попову про полный препятствий путь простого парашютиста: Парагвай – Пакистан – Палестина. Пункты приземления, перестрелки, погони – прострелено плечо, побаливает печень. Помянул приятелей: Пауэrsa, покойного Пеньковского... Попов позавидовал: «Пришлось пожить!». Перечислил: «Планы, партсобрания, прогрессивки, профсоюзные путевки, преферанс по пятницам, похмелье по понедельникам, подагра, полиартрит...» «Приелось! Переменил профессию – папуасы, Паола, подвал...»

Пелл показал Попову пытки перцем, пластырем, полиэтиленовым пакетом, посоветовал порошок против подагры, порасспрашивал про политпросвещение, профтехобразование. Попов по памяти пересказывал Паустовского, Пруткова, Пастернака...

... Проходили понедельники, пролетали пятницы – про пленников позабыли. Пелл примечал: Попов погрузнел, перестал петь, порой плакал, прикрывшись подушкой, плохо понимал происходящее. «Пропадает парень!» – подумал парашютист, предложил побег. Попов покорно помогал приятелю прокладывать подкоп, пассивно повиновался приказам, повторяя: «Поймают – повесят». Подкоп потихоньку продвигался, потом произошло прискорбное происшествие – Пелл позабыл про предел прочности – пол провалился, Попова придавило плитой песчаника. Питер принялся пилить плиту пряжкой, повторяя: «Потерпи, Попофф!» Попова придавило после полудня понедельника – Пелл пилил по пятницу, прочистил подкоп, поднял плиту – поздно – пребывание под песчаником, потемки, пятидневный пост подорвали психику парня. Попов просил Пелла: «Паола, подари поцелуй!», посасывал палец, постоянно пел:

Пупсики, прощайте!  
Пуще, патефон!  
Пылко посещайте  
Племенной притон!

Питер Пелл понял – Попов помешался. Прибыли полицейские психиатры, повязали помешанного полотенцами, побили, повезли прочь...

Потеряв Попова, Пелл перестал переносить проклятый подвал: прогнул проржавевшие прутья, придушил постового, перемахнул проволоку – прощай правосудие! Полицейские преспокойно писали пульку...

Перепрыгивая промоины, Пелл пробирался по проспекту Процветания. Полночь. Подле памятника пирату Пьеру Потрошителю Питер заметил позднего прохожего. «Проклятье!» -- подумал парашютист, поудобней перехватывая полупудовый прут, -- «Придется перебить подонку позвоночник.» Прохожий приблизился – перед Пеллом предстала прелестная

португалка, полуприкрытая порванным пончо. Пелл припомнил печальное повествование Попова, поразился: «Паола Перейра после полуночи прогуливается по панели?» Покраснев, Паола прошептала: «Перейра, потеряв при погроме поместье, пакгаузы, плантации повесился. Пришлось пойти... просить подаяние». «Побежали!» – приказал Пелл, -- «Пересечем пампасы, переплывем Парану! Пароход Парагвай – Пенсильвания, пятница, 5:15, поспеем. Пошло подыхать проституткой!»

Психоаналитик Петерсон пытался подлечить Попова, применяя психотропные препараты: пикротоксин, плеть, приложение постоянных, переменных, пульсирующих потенциалов, принудительное питание -- потом пурген. После помешательства подсудимого, пропажи потерпевшей Попова помиловали, процесс прекратили. Приемы Петерсона принесли плоды – психика помешанного прояснилась. Попову порекомендовали покинуть Порто-Побре первым пакетботом Перу-Петропавловск. Прибывшего Попова принял подполковник Пронин, погрозил пальцем: «Плохо, Попов! Папуасов проворонили, паспорт потеряли, поручение провалили, подозрительные приятели – пентагоновские парашютисты, позорный процесс... Признаетесь?»

«Признаюсь» -- плакал Попов...

Прошло пятьсот пятниц. Порто-Побре процветает. Появилась парфюмерная, пивоваренная промышленность, проведены прогрессивные преобразования. Посетителям показывают пенопластового папуаса под пуленепробиваемым плексиглазом, покрытого полихлорвиниловыми паразитами. Плата – полпесо.

Побег по пампе прославил Пелла. Питер получил повышение, переменял профиль – преподает психологическую подготовку парашютистов. Паола подарила Питеру пятерых прекрасных пацанов. Паола Пелл – преуспевающая писательница, повесть Паолы «Похотливая плоть» получила Пулитцеровскую премию. Публицист Пантелеймон Понтрягин посвятил П. Пелл памфлет: «Подпорка прогнившего порядка, проститутка пера, П. Пелл – платная пасквилянтка Пентагона».

Попов посидел положенное, посплавлял плоты по притокам Печеры, потом, получив паспорт, поселился под Полтавой. Прибывает подметки, перекладывает печи, паяет прохудившуюся посуду, пробует плотничать. Прежде полиглот, Попов забыл польский, португальский, полинезийский, перестал покупать «Перспективы», подписал «Пчеловодство». Подвернулась Попову проворная повариха Прасковья – поженились.

Порой по пыльному проселку проносится посольский «Понтиак» – полковник Питер Пелл приезжает проведать Попова. Попов потчует приезжего первачом, Прасковья придвигает поближе пирог. Питер пьет, похваливает, подговаривает Попова покинуть Полтавщину, предлагает пост председателя «Пацифик Петролеум». Попов поеживается... «Полно! План перевыполняю, полтора ста получаю, позвочорась прораб похвалил... Потом помидоры пора пасынковать, петрушку прореживать, подсолнухи полоть...»

Полковник Питер Пелл печально пожимает плечами...

П ■ ■ ■ ■ Ц